Роль общих ценностей Евразийского экономического союза в становлении и развитии права интеграционного объединения

ЧАЙКА Константин Леонтьевич, судья Суда Евразийского экономического союза, кандидат юридических наук

Республика Беларусь, 220006, г. Минск, ул. Кирова, 5

E-mail: Chayka@courteurasian.org

Ценностная составляющая является неотъемлемой частью интеграционного проекта, позволяя ставить перед наднациональным образованием не только экономические задачи, но и обеспечивать в рамках его функционирования уважение прав и свобод человека, категорий политического и морального порядка, многообразие национальных культур. Понятие «ценности» многозначно, оно может рассматриваться в философском и морально-этическом значении. Применительно к евразийскому интеграционному проекту автор считает необходимым сформулировать определение правовых ценностей и соотнести его с категорией «принципы права».

Цель настоящей статьи — установить наличие ценностного компонента в праве Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и проследить его влияние на практику Суда ЕАЭС. Анализ ценностей евразийского экономического проекта неразрывно связан с осмыслением принципов его функционирования. Своей задачей автор ставит выявление той роли, которую ценности могут сыграть в практике Суда ЕАЭС, а через нее — и в развитии права Евразийского экономического союза. Ценности, являясь в своей основе доктринальной категорией, способны стать инструментом действующего права и использоваться для актуализации правовых норм и восполнения существующих в них пробелов.

По результатам исследования автор приходит к выводу, что обращение к ценностям, а через них — к целям и принципам функционирования Евразийского экономического союза имеет большой потенциал для судебного толкования, а также для реализации возложенной на Суд ЕАЭС задачи обеспечения единообразного применения права ЕАЭС его органами и государствами-членами.

Ключевые слова: евразийская интеграция, Суд Евразийского экономического союза, конституционное правосудие, Европейский Союз, защита основных прав человека, толкование права.

Для цитирования: Чайка К. Л. Роль общих ценностей Евразийского экономического союза в становлении и развитии права интеграционного объединения // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 148—157. DOI: 10.12737/jrl.2020.062

The Role of the EAEU Common Values in the Formation and Development of the Integration Association's Law

K. L. CHAYKA, Court of the Eurasian Economic Union, Minsk 220006, Republic of Belarus

E-mail: Chayka@courteurasian.org

The value component is an integral part of the integration project, allowing the supranational entity to set not only economic goals, but also to ensure respect for human rights and freedoms, categories of political and moral order, and the diversity of national cultures within its functioning. The concept of “value” has many meanings, and it can be considered in a philosophical and moral-ethical sense. In relation to the Eurasian integration project, the author considers it necessary to formulate a definition of legal values and relate it to the category “principles of law”.

The purpose of this article is to establish the existence of a value component in the law of the Eurasian Economic Union (EAEU) and to see its influence on the practice of the EAEU Court. The analysis of the values of the Eurasian economic project is inextricably linked with the understanding of the principles of its functioning. The author aims to identify the role that values can play in the practice of the EAEU court, and through it in the development of the EAEU law.

Using the method of comparative analysis of the Russian constitutional law and the EU law allows us to come to the conclusion that values, being basically a doctrinal category, can become an instrument of current law and be used to update legal norms and fill existing gaps in them.

According to the study the author comes to the conclusion that an appeal to values, and, through them, to the purposes and principles of the Eurasian Economic Union has a great potential for judicial interpretation, and implementation entrusted to the Court the task of ensuring uniform application of the EAEU law, its organs and member-states.

Keywords: Eurasian integration, EAEU Court, constitutional justice, European Union, protection of basic human rights, interpretation of law.

For citation: Chayka K. L. The Role of the EAEU Common Values in the Formation and Development of the Integration Association's Law. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 5, pp. 148—157. DOI: 10.12737/jrl.2020.062 (In Russ.)

Опыт наднациональных объединений показывает, что наиболее успешны те интеграционные проекты, в основе которых лежат общие ценности. Данный вывод наглядно демонстрирует история развития европейской интеграции. Так, на заре ее становления произошло разделение между двумя проектами. Первый проект основывался на идее сближения европейских государств с учетом общих ценностей, таких как верховенство права и уважение прав человека. Результатом стало создание Совета Европы — межправительственной организации, членами которой являются Республика Армения и Российская Федерация, а также принятие Европейской конвенции о защите прав человека. Ядром второго проекта являлась экономическая интеграция без какой-либо ценностной составляющей, а ее главным достижением следует считать образование Европейских сообществ. Однако со временем государства — участники Европейских сообществ осознали, что даже в сфере права ЕС, экономического права не обойтись без обращения к вопросам прав человека и дальнейшее развитие невозможно без общей ценностной основы. Следствием данного осознания стало принятие в 1973 г. Декларации о Европейской идентичности (далее — Копенгагенская декларация), последовательное закрепление общих ценностей в тексте учредительных договоров ЕС, а также создание в 2000 г. Хартии основных прав Европейского Союза, получившей обязательный

характер с вступлением в силу Лиссабонского договора.

Доктринальное осмысление правовых ценностей. В морально-этическом, философском значении ценность рассматривается как универсальное понятие, представляющее собой стандарт оценки поведения и действий. В западной теории в качестве самостоятельных течений выделяют ценностный плюрализм, допускающий множественность ценностей, и монизм, представители которого исходят из признания единственной базовой ценности¹.

В рамках настоящего исследования интерес представляют правовые ценности, которые непосредственно содержатся или формулируются посредством толкования официального документа. Подобные ценности могут быть морально-этическими, например гарантии прав человека, а также иметь утилитарный характер, будучи направленными на защиту экономических интересов.

В правовой доктрине к числу ценностей Европейского Союза относят гарантированные конституциями его государств-членов стандарты защиты гражданских, политических, социальных и экономических прав

¹ Подробнее см.: Gerbrandy A., Scholten M. Core values: tensions and balances in the EU shared legal order in Sovereignty in shared legal order of the EU: core values of regulation and enforcement / ed. by T. van den Brink, M. Luchtman, M. Scholten. Cambridge, 2015. P. 10—14.

человека, верховенства права, общего рынка как ключевой экономической составляющей ЕС².

По мнению судьи Конституционного Суда РФ Н. С. Бондаря, в отечественной науке понятие правовых ценностей рассматривается в аспекте конституционных ценностей, которые представляют собой не только общетеоретическую, доктринально-гносеологическую категорию, но и категорию действующего права. В современном конституционализме феномен ценностей проявляется в трех основополагающих измерениях: Конституция как ценность; получающие прямое закрепление в нормах и институтах Конституции ценности; имплицитно выраженные конституционные ценности как результат практической конституционно-судебной аксиологии³.

Основываясь на общефилософском подходе и принимая во внимание концепции правовых ценностей в рамках российского конституционализма и в традиции права Европейского Союза, полагаем необходимым в целях настоящего исследования рассматривать ценности в качестве фундаментальных нормативных стандартов, зафиксированных на уровне международного права и присущих правопорядку государств — членов Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС, Союз) в силу их закрепления в национальных конституциях.

В данном аспекте представляется целесообразным затронуть вопрос о

соотношении понятий «ценности» и «принципы». В доктрине высказывается мнение, согласно которому указанные категории не совпадают, а находятся в отношении соподчинения — принципы, обладая свойством обязательности исполнения, служат инструментом реализации ценностей. В судебном процессе принцип может являться основанием для пересмотра регулирующего акта. В свою очередь, принцип необходимо отличать от правила (нормы), поскольку принцип закладывает основополагающие элементы правопорядка, выполняет функцию своеобразного указателя на пути к цели, не обозначая конкретные шаги, которые необходимо предпринять для ее достижения⁴.

Развивая тезис о разграничении принципа и правовой нормы, приведем слова Р. Дворкина, который писал, что нормы в связи с их спецификой и конкретным характером предоставляют прямые ответы на поставленные вопросы; принципы не излагают правовых последствий, которые прямо следуют из них, а закрепляют обоснования, что позволяет привести аргументы в пользу выбора какого-либо варианта, но не обязательно предопределяет конкретный результат⁵.

Соглашаясь с необходимостью разделять правовые принципы и правила (нормы), автор исходит из неразрывной связи понятий «принципы» и «ценности», полагая, что ценности являются основой, ядром правовых принципов, посредством которых обеспечивается их реализация.

Ценности в действующем праве ЕАЭС. Несмотря на то что ключевым элементом ЕАЭС служит экономический компонент, анализ Договора о Евразийском экономическом союзе (далее — Договор) и актов,

² См.: Moorhead T. The legal order of the European Union: the institutional role of the Court of Justice. London, 2014. P. 6—72; Esteban M. L. F. Constitutional values and principles in the Community legal order // Maastricht Journal of European and Comparative Law. 1995. No. 2. P. 129—132.

³ См.: Бондарь Н. С. Конституционные ценности — категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6. С. 1—11.

⁴ См.: Gerbrandt A., Scholten M. Op. cit. P. 15.

⁵ См.: Dworkin R. Taking rights seriously. Cambridge, 1977. P. 24.

предшествующих его принятию, позволяет выявить ценностный компонент евразийской интеграции.

Так, в преамбуле к первому акту, заложившему основы формирования единого таможенного пространства, — Соглашению о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь 1995 г., закреплено стремление договаривающихся сторон обеспечить дальнейшее развитие прав и свобод человека и гражданина на демократических принципах, зафиксированных в документах ООН.

В статье 2 Договора между Российской Федерацией, Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях 1996 г. указано, что основными целями интеграции являются последовательное улучшение условий жизни, защита прав и свобод личности, достижение социального прогресса.

Декларация о евразийской экономической интеграции 2011 г. исходит из того, что Единое экономическое пространство основывается на принципах соблюдения общепризнанных норм международного права, включая уважение суверенитета и равенства государств, утверждения основополагающих прав и свобод человека, правового государства и рыночной экономики⁶.

Договор, основанный на Декларации 2011 г., в преамбуле указывает на учреждение Союза на основе принципа суверенного равенства государств, необходимости безусловного соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина, целей и принципов Устава ООН и иных общепризнанных принципов и норм международного права.

Взаимосвязанное прочтение положений Декларации 2011 г. и преамбулы Договора позволяет заключить, что базовыми ценностями Союза признаются уважение суверенного равенства государств, соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина, общепризнанных принципов и норм международного права, верховенства права (правового государства) и рыночной экономики.

Отметим, что названные ценности получили закрепление и развитие в практике Суда Евразийского экономического союза (далее — Суд). В частности, указание на суверенное равенство государств содержится в консультативном заключении от 11 декабря 2017 г. по заявлению Б. М. Адилова по делу о сокращении штатов, на верховенство права — в консультативном заключении от 30 октября 2017 г. по заявлению Евразийской экономической комиссии (далее — Комиссия) по делу о свободе движения товаров. В консультативном заключении от 20 декабря 2018 г. по заявлению Комиссии по делу о пенсиях Суд указал: «В связи с закрепленной в преамбуле Договора приверженностью безусловному соблюдению принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина уровень таких прав и свобод, гарантированный Союзом, не может быть ниже, чем он обеспечивается в государствах-членах». Отметим, что следование данному подходу позволит предотвратить ситуации, когда соответствующие права будут защищены конституционными судами государств — членов Союза, которые, несмотря на передачу отдельных вопросов на наднациональный уровень правового регулирования, оставляют за собой так называемые спящие полномочия и могут реализовать их, если суд интеграционного объединения не гарантирует указанные права и свободы на уровне не ниже, чем они обеспечены конституциями государств-членов.

⁶ См.: Чайка К. Л. Соотношение прав человека и основных свобод и экономической интеграции // Интеграционные процессы в Европе и Евразии: роль Конвенций Совета Европы. М., 2017. С. 235—238.

Обращение к общепризнанным нормам международного права в консультативном заключении от 12 сентября 2017 г. по заявлению Комиссии по делу об аттестации международных служащих позволило Суду указать в качестве акта, применимого при отправлении правосудия в рамках Союза, Конвенцию МОТ № 111 о дискриминации в области труда и занятий 1958 г.⁷ В консультативном заключении от 18 июня 2019 г. по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан по делу о применимости в праве Союза принципа *non bis in idem* использование общепризнанных принципов международного права послужило предпосылкой для вывода о невозможности для лица одновременно быть привлеченным к ответственности за совершение одного и того же деяния решениями Комиссии и уполномоченного органа государства-члена.

Полагаем, что использование Судом ценностей в качестве предпосылки для выработки позиций по делам подчеркивает их значение в качестве не только доктринальной категории, но и инструмента действующего права.

Исходя из сформулированного ранее соотношения понятий «ценности» и «принципы» представляется, что реализация базовых ценностей ЕАЭС обеспечивается посредством применения основных принципов функционирования Союза, поименованных в ст. 3 Договора, к числу которых относятся: уважение общепризнанных принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности; уважение особенностей политического устройства государств-членов; обеспечение взаимовыгодного со-

трудничества, равноправия и учета национальных интересов Сторон; соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции. Немаловажен тот факт, что в качестве отдельного принципа ст. 3 Договора называет функционирование таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов. Соответствующая правовая норма дополнительно подтверждает неразрывную связь между обеспечением базовых ценностей Союза и экономической интеграции. Об этом свидетельствуют и основные цели Союза, закрепленные в ст. 4 Договора о ЕАЭС и включающие: создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всестороннюю модернизацию, кооперацию и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной мировой экономики. Контекстное толкование ст. 3 и 4 Договора позволяет заключить, что создатели Договора исходили из необходимости достижения упомянутых целей при соблюдении принципов, на основе которых функционирует Союз. Данный вывод подтверждает п. 3 ст. 5 Договора, устанавливающий, что в тех сферах, в которых государства-члены еще не осуществляют скоординированную или согласованную политику, они стремятся к осуществлению целей в соответствии с основными принципами и целями Союза. Роль основных целей и принципов функционирования ЕАЭС в построении правовой системы Союза наглядно демонстрирует норма п. 2 ст. 6 Договора, предусматривающая, что международные договоры Союза с третьей стороной не должны противоречить основным целям, принципам и правилам функционирования Союза.

⁷ См.: Чайка К. Л. Международно-правовые подходы в практике Суда Евразийского экономического союза // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 138—151.

Общие принципы функционирования ЕАЭС эволюционируют применительно к отдельным сферам, полномочия по регулированию которых переданы на наднациональный уровень. Например, закрепленные в ст. 30, 31 и 51 Договора принципы формирования общего рынка лекарственных средств и медицинских изделий, общие принципы технического регулирования представляют собой отраслевое развитие принципа функционирования таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов. Принцип обеспечения взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов сторон в аспекте внешне-торговой деятельности трансформируется в принцип применения мер и механизмов осуществления внешнеторговой политики Союза, являющихся не более обременительными для участников внешнеторговой деятельности государств-членов, чем необходимо для обеспечения эффективного достижения целей Союза (п. 2 ст. 33 Договора).

В продолжение логично обратиться к Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза 2018 г., которая, обозначая исключительно экономический вектор евразийской интеграции, тем не менее указывает на приверженность целям и принципам, закрепленным в Договоре о ЕАЭС, а значит, и содержащимся в нем ценностям.

Развитие ценностной составляющей права ЕАЭС. Проведенный анализ убедительно демонстрирует, что на данный момент ценностная составляющая права Союза представляется недостаточной. Полагаем, она подлежит развитию по мере углубления интеграционных процессов и их распространения на новые сферы общественных отношений. В качестве примера отметим, что общие ценности ЕС в развернутом виде впервые получили закрепление в

Копенгагенской декларации 1973 г., т. е. спустя почти 20 лет после начала процесса европейской интеграции.

В Копенгагенской декларации содержится намерение государств-членов обеспечить уважение основополагающих ценностей их правового, политического и морального порядка, а также многообразие национальных культур. При этом государства стремятся обеспечить защиту принципов представительной демократии, верховенства права, социальной справедливости, являющихся конечной целью экономического прогресса, и уважения прав человека, которые представляют собой фундаментальные элементы европейской идентичности. Неотъемлемой частью европейской идентичности также является общий рынок, основанный на таможенном союзе, институты, общая политика.

Анализ указанных положений Копенгагенской декларации свидетельствует о тесной связи ценностей интеграционного объединения и таких элементов, как общий рынок и таможенный союз, в рамках вектора экономической интеграции. Немаловажен и тот факт, что в Декларации указано на необходимость разделять поименованные в ней идеалы и цели для присоединения к ЕС.

В продолжение сравнительного анализа права ЕАЭС и ЕС отметим, что в качестве ценности последнего называют идею интеграции⁸. В основе подобного утверждения — реальные исторические предпосылки, обусловленные тем, что инициатива экономической интеграции, имевшая место вскоре после Второй мировой войны, преследовала цель передачи независимым от государств институтам суверенных прав в области управления сталелитейной и угольной промышленностью как способ недопущения новой войны на европейском континенте⁹. Таким

⁸ См., например: Moorhead T. Op. cit. P. 72.

⁹ См.: Европейское право. Основы интеграционного права Европейского Союза и

образом, ключевой целью европейской интеграции на начальном этапе ее развития являлось решение политических, а не экономических вопросов.

Учитывая иные реалии формирования ЕАЭС, а также предшествующую историю интеграции на евразийском пространстве, последовательно отмежевывавшейся от политической составляющей¹⁰, полагаем, что признавать в качестве самостоятельной ценности идею евразийской интеграции не следует. Как видно из Договора, интеграция в нем рассматривается не как самоцель, а как средство достижения целей, поставленных перед Союзом.

С правовой точки зрения признание в ЕС интеграции в качестве одной из основополагающих ценностей можно объяснить укреплением приверженности объединенной Европе в конституциях отдельных государств. Например, в ст. 23 Основного закона ФРГ указано: с учетом образования единой Европы Федеративная Республика Германия будет участвовать в развитии ЕС, основанном на демократических, социальных и федеральных принципах, верховенстве закона и принципе субсидиарности, гарантировании уровня защиты основных прав, сопоставимого с предоставляемым Основным законом. В свою очередь, в решении Федерального конституционного суда Германии от 30 июня 2009 г. по вопросу о совместимости с правом Германии Лиссабонского договора провозглашен принцип открытости праву ЕС (*Europarechtsfreundlichkeit*)¹¹.

Евразийского экономического союза: учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Л. М. Энтин, М. Л. Энтин. М., 2018. С. 22—25.

¹⁰ Подробнее см.: Дьяченко Е. Б. Эволюция евразийской интеграции // Закон. 2015. № 2. С. 137—144.

¹¹ Подробнее см.: Steinbach A. The Lisbon Judgment of the German Federal Constitutional Court — New Guidance on the

Вопрос о ценностном наполнении евразийской интеграции носит отнюдь не праздный характер. С одной стороны, он оказывается важен при взаимоотношении с внешними партнерами, особенно с теми, для которых, как для ЕС, продвижение общих ценностей относится к числу основных задач в сфере внешней политики¹². С другой стороны, закрепление в праве ЕАЭС ценностной составляющей позволит обеспечить высокие стандарты защиты прав человека и основных свобод как при принятии международных договоров и актов органов Союза, так и их имплементации органами государств-членов.

Особое значение ценностная составляющая Союза приобретает при толковании его права. Как отмечает Н. С. Бондарь применительно к конституционным ценностям Российской Федерации, «их нормативно-правообразующее значение проявляется и в том, что с их помощью Конституционный Суд выявляет и оценивает правовые модели организации тех или иных сфер общественных отношений, преодолевает пробелы и дефекты в правовом регулировании и одновременно определяет тенденции развития конституционных отношений, обосновывает конституционную стратегию совершенствования законодательства по направлениям, попавшим в сферу конституционного нормоконтроля»¹³. Обращение к целям учредительных договоров ЕС и заложенным в их основу ценностям составляет фундамент телеологического метода толкования, используемого Судом ЕС¹⁴.

Полагаем, что данный подход справедлив и применительно к практике Суда ЕАЭС.

Limits of European Integration? // German Law Journal. 2010. Vol. 11. No. 4. P. 367—390.

¹² См. ст. 21 Договора о Европейском Союзе 1992 г.

¹³ Бондарь Н. С. Указ. соч.

¹⁴ См.: Moorhead T. Op. cit. P. 76—77.

Признание ценности основных прав человека послужило предпосылкой для формирования Судом прогрессивных позиций о соблюдении принципов пропорциональности¹⁵ и *non bis in idem*¹⁶. В рассматриваемом случае с помощью ценностей Союза Суд преодолел существующий в праве пробел и актуализировал понимание его норм сообразно фундаментальным стандартам, действующим на уровне международного права и конституций его государств-членов.

Обращение к уже упомянутому принципу суверенного равенства в консультативном заключении по заявлению Б. М. Адилова позволило Суду констатировать, что одной из форм его выражения в контексте институциональной структуры Союза является принцип равной представленности государств-членов при отборе кандидатов на занятие должностей должностных лиц департаментов Комиссии¹⁷. Апеллируя к суверенному равенству государств как ценности ЕАЭС, Суд разъяснил содержание нормы Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Союзе¹⁸ о равной представленности должностных лиц из числа граждан государств — чле-

нов Союза в департаментах Комиссии.

В консультативном заключении от 30 октября 2017 г. по заявлению Комиссии по делу о свободе движения товаров, обратившись к принципам и целям функционирования Союза, Суд констатировал: «Применение мер, ограничивающих торговлю товарами на внутреннем рынке, по общему правилу запрещается, так как это ведет к ограничению свободы движения товаров, что будет противоречить основополагающим принципам функционирования Союза: соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции, функционирование таможенного союза без изъятий и ограничений (ст. 3 Договора), и одной из целей Союза — стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза (ст. 4 Договора)».

Также следует согласиться с высказываемым в доктрине мнением о том, что принятие во внимание цели формирования единого рынка товаров в рамках Союза позволило Суду в консультативном заключении от 20 ноября 2017 г. по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики по делу о тарифах разъяснить п. 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике¹⁹ таким образом, чтобы обеспечить взимание таможенными унифицированного тарифа при перевозках грузов железнодорожным транспортом с территории одного государства-члена на территорию другого государства-члена через территорию третьего государства и, как следствие, способствовать свободе перемещения товаров Союза²⁰.

¹⁵ Подробнее о принципе пропорциональности в практике Суда см.: *Энтин К., Дьяченко Е.* Обзор практики Суда Евразийского экономического союза в 2018 году // *Международное правосудие*. 2019. № 1 (29). С. 8—10.

¹⁶ См. консультативные заключения Коллегии Суда от 15 октября 2018 г. по делу № СЕ-2-1/3-18-БК по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан, от 30 октября 2018 г. по делу № СЕ-2-2/2-17-БК по заявлению Евразийской экономической комиссии, от 7 декабря 2018 г. по делу № СЕ-2-2/5-18-БК по заявлению Евразийской экономической комиссии, от 18 июня 2019 г. по заявлению Евразийской экономической комиссии.

¹⁷ См.: *Чайка К. Л.* Международно-правовые подходы в практике Суда Евразийского экономического союза. С. 138—151.

¹⁸ См. приложение № 32 к Договору.

¹⁹ См. приложение № 24 к Договору.

²⁰ См.: *Дьяченко Е.* Методы толкования в практике Суда Евразийского экономического союза // *Международное правосудие*. 2019. № 2 (30). С. 87.

В решении от 18 июня 2019 г. по делу № СЕ-1-2/1-19/КС по заявлению ООО «Шиптрейд»²¹ Коллегия Суда, проверяя соответствие решения Евразийской экономической комиссии о классификации отдельного вида товара праву Союза, указала, что его формулировки не способствуют уяснению назначения товара и вводят в заблуждение, порождают неопределенность относительно действительных оценочных критериев назначения классифицируемого товара. В свою очередь, наличие неопределенности наносит ущерб целям и объекту Договора о Таможенном кодексе Таможенного союза. Изложенное означает, что учет целей названного Договора позволил Суду осуществить защиту прав и закон-

ных интересов хозяйствующего субъекта, признав оспариваемое решение Комиссии не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

Представляется, что обращение к ценностям, а через них — к целям и принципам функционирования ЕАЭС способно сыграть важную роль в толковании, осуществляемом Судом, в реализации возложенной на него Статутом задачи обеспечения единообразного применения права ЕАЭС его органами и государствами-членами²². Трансформация ценностей посредством судебной практики из доктринальной категории в элемент действующего права может стать значимым инструментом развития права ЕАЭС, а в перспективе — и всего интеграционного проекта.

²¹ Данное решение оставлено без изменения решением Апелляционной палаты от 31 октября 2019 г.

²² См. п. 2 Статута, являющегося приложением № 2 к Договору.

Библиографический список

- Dworkin R. Taking rights seriously. Cambridge, 1977.
- Esteban M. L. F. Constitutional values and principles in the Community legal order // Maastricht Journal of European and Comparative Law. 1995. No. 2.
- Gerbrandy A., Scholten M. Core values: tensions and balances in the EU shared legal order in Sovereignty in shared legal order of the EU: core values of regulation and enforcement / ed. by T. van den Brink, M. Luchtman, M. Scholten. Cambridge, 2015.
- Moorhead T. The legal order of the European Union: the institutional role of the Court of Justice. London, 2014.
- Steinbach A. The Lisbon Judgment of the German Federal Constitutional Court — New Guidance on the Limits of European Integration? // German Law Journal. 2010. Vol. 11. No. 4.
- Бондарь Н. С. Конституционные ценности — категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6.
- Дьяченко Е. Методы толкования в практике Суда Евразийского экономического союза // Международное правосудие. 2019. № 2 (30).
- Дьяченко Е. Б. Эволюция евразийской интеграции // Закон. 2015. № 2.
- Европейское право. Основы интеграционного права Европейского Союза и Евразийского экономического союза: учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Л. М. Энтин, М. Л. Энтин. М., 2018.
- Чайка К. Л. Международно-правовые подходы в практике Суда Евразийского экономического союза // Журнал российского права. 2018. № 11.
- Чайка К. Л. Соотношение прав человека и основных свобод и экономической интеграции // Интеграционные процессы в Европе и Евразии: роль Конвенций Совета Европы. М., 2017.
- Энтин К., Дьяченко Е. Обзор практики Суда Евразийского экономического союза в 2018 году // Международное правосудие. 2019. № 1 (29).

References

- Bondar' N. S. Constitutional values — category of positive law (in the context of case-law of the Constitutional Court of the Russian Federation). *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2009, no. 6, pp. 1—11. (In Russ.).

Chayka K. L. International Legal Approaches in the Practice of the Court of the Eurasian Economic Union. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 11, pp. 138—151. DOI: 10.12737/art_2018_11_14. (In Russ.)

Chayka K. L. The relationship between human rights and fundamental freedoms and economic integration. *Integration processes in Europe and Eurasia: the role of conventions of the Council of Europe*. Moscow, 2017. Pp. 235—255. (In Russ.)

Dworkin R. Taking rights seriously. Cambridge, 1977. 563 p.

D'yachenko E. Methods of interpretation in the case-law of the Eurasian Economic Union Court. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, 2019, no. 2 (30), pp. 77—92. (In Russ.)

D'yachenko E. B. Evolution of Eurasian integration. *Zakon*, 2015, no. 2, pp. 137—158. (In Russ.)

Entin K., D'yachenko E. An overview of the case-law of the Eurasian Economic Union Court in 2018. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, 2019, no. 1 (29), pp. 3—22. (In Russ.)

Esteban M. L. F. Constitutional values and principles in the Community legal order. *Maastricht Journal of European and Comparative Law*, 1995, no. 2, pp. 129—144.

Evropeyskoe pravo. The foundations of integration law of the European Union and the Eurasian Economic Union. Ed. by L. M. Entin, M. L. Entin. Moscow, 2018. 528 p. (In Russ.)

Gerbrandy A., Scholten M. Core values: tensions and balances in the EU shared legal order in Sovereignty in shared legal order of the EU: core values of regulation and enforcement. Ed. by T. van den Brink, M. Luchtman, M. Scholten. Cambridge, 2015, pp. 9—30.

Moorhead T. The legal order of the European Union: the institutional role of the Court of Justice. London, 2014. 170 p.

Steinbach A. The Lisbon Judgment of the German Federal Constitutional Court — New Guidance on the Limits of European Integration? *German Law Journal*, 2010, vol. 11, no. 4, pp. 367—390.